

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изборник 1076 г. – третья по древности восточнославянская датированная рукопись и первый сборник светского характера. В его состав входят – полностью или в извлечениях – десятки переводных и оригинальных произведений древнеболгарского происхождения. Изборник 1076 года известен науке с конца XVIII века и на протяжении всей истории русистики входил в число наиболее часто упоминаемых и цитируемых текстов в работах по истории древнерусской литературы, лексикографических трудах и различных лингвистических исследованиях специального характера. При этом с точки зрения истории текста он до недавнего времени оставался самым малоизученным из древнейших письменных памятников. Источники значительной части входящих в Изборник текстов не были установлены, а некоторые статьи до сих пор не идентифицированы. О происхождении сборника в целом как комплекса текстов также ничего не было известно. Поскольку по своим графико-орфографическим и фонетическим особенностям Изборник 1076 г. является древнерусским списком, бытовало мнение о восточнославянском происхождении самого памятника. Считалось, что он составлен древнерусским книжником на основе находившихся в его распоряжении славянских источников. Мера творческой активности этого составителя оценивалась по-разному, вплоть до того, что ему приписывали авторство некоторых статей. Этот взгляд на происхождение Изборника радикально изменился в 1980-е гг., после того, как голландский исследователь У. Федер обнаружил ряд типологически сходных древнерусских и южнославянских сборников, установил генетические связи между ними и показал, что все они вместе с Изборником 1076 г. восходят к одному прототипу, для которого он ввел название «Княжий изборник». Хотя все родственные сборники существенно «моложе» Изборника 1076 г. (в основном они датируются XV–XVI вв.), в текстологическом отношении многие из них стоят ближе к Княжьему изборнику, чем рукопись XI в. Это открытие позволило достаточно точно определить место Изборника 1076 г. в текстологической традиции и рассматривать его тексты в перспективе изменений, которые они претерпели, начиная от первоначальных переводов с греческого до момента создания рукописи 1076 г.

У. Федер, однако, не ставил задачу систематического изучения текста Изборника 1076 г. Он рассматривал этот памятник как один из списков, данные которого, наравне с данными родственных сборников, дают основу для предпринятой им реконструкции Княжьего изборника. Индивидуальные, в том числе языковые, особенности рукописи 1076 г. оставались вне фокуса его исследовательского внимания. Эту задачу призвана выполнить настоящая работа, **предметом исследования** в которой являются текстологические и

лингвистические особенности Изборника 1076 г. Они рассматриваются в исторической перспективе, при этом уточняемая реконструкция Княжьего изборника, служащего центральным понятием при исследовании истории текста Изборника 1076 г., играет вспомогательную роль.

Актуальность темы обусловлена малочисленностью письменных источников по древнейшему периоду истории русского языка и их недостаточной текстологической изученностью. После того, как определилось место Изборника 1076 г. в рукописной традиции, возникла необходимость снабдить текст памятника текстологическим комментарием, без которого невозможен корректный подход к интерпретации заключенного в нем языкового материала. Кроме того, текстологическое исследование Изборника 1076 г. имеет важное *методологическое* значение: типология четких сборников неупорядоченного состава, принципы отбора и методы обработки текстов при их составлении изучены очень плохо, а необходимость в таких исследованиях ощущается весьма остро, так как большая часть древнеславянских текстов дошла до нас именно в составе сборников.

Цели и задачи исследования. Цели исследования определяются характером Изборника 1076 г. как типа древнеславянской рукописной книги. Этот памятник представляет собой продукт многократной обработки множества древнеславянских текстов, очень разнообразных по происхождению, авторству, жанру, литературному качеству и объему. Большинство из них известны в других версиях и редакциях, более близких к архетипу, и для их изучения или издания данные Изборника 1076 г. играют второстепенную роль. Соответственно, при исследовании этого памятника в фокусе внимания оказываются не тексты в их первоначальном виде, а процесс освоения (адаптации, переработки, правки) различных текстов книжниками, переписывавшими Княжий изборник в период между его составлением и созданием рукописи 1076 г. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы выявить и оценить вторичные особенности текстов Изборника 1076 г. Однако для этого в ряде случаев необходимо реконструировать их первичный (или более близкий к архетипу) вид, так как они до сих пор не были (или были недостаточно) исследованы. Таким образом, задача составления текстологического и лингвистического комментария к тексту Изборника 1076 г. на некоторых участках приобретает двойственный характер.

Данное исследование включает в себя три аспекта: источниковедческий, текстологический и лингвистический.

1. В *источниковедческой* части были поставлены следующие задачи:

а) подобрать параллели (греческие и славянские) к тем частям памятника, источники которых ранее не были известны;

б) уточнить происхождение тех частей сборника, к которым были подобраны только отдаленные параллели;

в) определить, какие редакции тех текстов-источников, которые имеют сложную текстологию (в частности, Сборника Симеона – болгарского прототипа Изборника 1073 г.), были использованы при составлении памятника.

2. Задачей *текстологической* части работы является сопоставление родственных списков Княжьего изборника между собой, а также с текстами источников (по существующим изданиям или по рукописям, если памятники не изданы) с тем, чтобы

а) уточнить генеалогические отношения между ними и определить, сколько этапов (гипархетипов) отделяет Изборник 1076 г. от архетипа Княжьего изборника;

б) выявить в списках разночтения, установить, там где это возможно, их первичность/вторичность, и проследить поэтапное развитие текста на микроуровне.

3. Предпринятое *лингвистическое* исследование преследует цель описать языковую правку на каждой стадии эволюции текста Княжьего изборника вплоть до Изборника 1076 г. с тем, чтобы

а) установить лингвистические особенности редакций текста на этапах, предшествовавших созданию Изборника 1076 г.;

б) определить отношение редакторов (в том числе на этапе создания рукописи 1076 г.) к лексической вариативности в текстах сборника и их представление о норме церковнославянского языка;

в) определить, в качестве вспомогательного средства для решения двух предыдущих задач, языковой статус некоторых лексем, использованных или устраненных при редактуре.

Методы исследования. Входящие в состав рукописи Изборника 1076 г. тексты сопоставляются с параллельными текстами пятнадцати генеалогически связанных с ним рукописей (списков Княжьего изборника). В местах разночтений реконструируется, насколько это возможно, текст архетипа, а также промежуточных стадий развития текста (гипархетипов), и регистрируются все изменения – смысловые, стилистические и языковые, – появившиеся на каждой стадии; затем анализируется выявленный языковой материал.

Рукописная история Изборника 1076 г. ставит перед исследователем специфические текстологические проблемы, не встречающиеся в исследованиях цельных текстов. Установление текстологических отношений между списками, стратификация текста в его эволюции и, соответственно, выявление языковых черт, появившихся в тексте на том или ином этапе его развития, осложняются компилятивным характером самого текста: в принципе, каждая из нескольких десятков статей Изборника и близких к нему списков может

иметь самостоятельную текстологическую историю. Практически это означает, что общая схема отношений между списками, разработанная на макротекстологическом уровне (при сопоставлении структуры статей), должна быть проверена на уровне микротекстологии отдельно для каждой статьи и по каждому списку. При этом нужно учитывать не только возможность инородного происхождения отдельных статей, но и возможность спорадической контаминации (когда писец, используя один антиграф как основной, в отдельных случаях обращался к дополнительным источникам). Определив взаимоотношения между списками в пределах каждой статьи, можно сопоставить эти результаты для уточнения общей стеммы.

В работе строго соблюдается иерархия уровней исследования: сначала проводится текстологический анализ источников и устанавливаются генеалогические отношения между списками; на этом основании строится лингвистическое исследование. Благодаря этому, можно отделить текстологически значимые языковые (фонетико-орфографические и лексические) варианты от случайных совпадений вторичных языковых вариантов в списках, не обнаруживающих схождения на уровне текста.

При анализе языковых расхождений используется системный подход: учитываются а) функционирование варьирующих элементов в том тексте, где встретилось расхождение и б) наличие надежно установленных замен одного из этих элементов другим на разных этапах эволюции текста Княжьего изборника, вплоть до отдельных списков. Так, в Изборнике 1076 г. на л. 77 об.13 читается слово **мольба** в нетипичном значении ‘молитва’, а в параллельном месте родственного списка Мел. 119 имеется вариантное чтение **молитва**. Поскольку Мел. 119 восходит к более ранней стадии эволюции Княжьего изборника, можно было бы предположить, что его чтение первично. Однако в тексте, где встретилось данное расхождение – «Наказании» Исихия – есть другие примеры употребления лексемы **мольба** в значении ‘молитва’. Следовательно, в данном случае первичным следует считать вариант Изборника 1076 г. Другой пример: в Изборнике 1076 г. на л. 49 (строка 11) читается **дѣла**, – вторичный вариант вместо исконного **ради**, читающегося в библейском тексте «Премудрости Иисуса Сирахова». Чтение восходящего к Княжьему сборнику списка МДА №162 совпадает с Изборником 1076 г. Однако из этого совпадения нельзя сделать вывода, что замена **ради** → **дѣла** относится к общему протографу Изборника 1076 г. и МДА №162, так как эта замена не фиксируется на уровне данного протографа в других местах текста, и, напротив, многократно представлена в слоях индивидуальных инноваций обеих рукописей.

Научная новизна работы. В работе выявлены прежде не замеченные славянские параллели, объясняющие происхождение ряда статей и фрагментов Изборника 1076 г. (§§56–82, 114–115, 249–250, 520, 654–697, 700–704, 866–883, 982, 1007, 1015–1030, 1098–1105, 1125–1127), а также греческие источники некоторых переводных текстов, отрывки которых входят в его состав (§§115, 250, 520, 654–659, 665, 667, 670, 672–677, 681, 683–692, 695, 697–699, 701–704, 866–883, 1015–1016, 1025–1030, 1100). В текстологической части уточнена генеалогия списков Княжьего изборника, определены гипархетипы, к которым восходит каждый из них, и выявлены все изменения на макро- и микротекстологическом уровне, внесенные в текст сборника на каждом этапе его эволюции. Выявление и анализ языковой редакции в Изборнике 1076 г., включающий стратификацию языковых изменений по стадиям эволюции сборника, осуществлены впервые.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что текстология рукописных сборников является слабо разработанной областью науки. В работе на обширном материале всей рукописной традиции Княжьего изборника подробно показана специфика такой текстологии, в отличие от традиционной текстологии цельных текстов. Итоги исследования позволяют увидеть, насколько далеко может отстоять текст, созданный в условиях открытой текстологической традиции, – в том числе текст такой ранней рукописи, как Изборник 1076 г., – от своего архетипа. Четкое разграничение между архетипом текста и его модификацией в конкретном рукописном памятнике необходимо для лексикографической работы, – неразличение этих уровней текста приводит к неточной или неверной интерпретации рукописного материала в исторических словарях.

Практическая ценность работы. Результаты лингвотекстологического анализа Изборника 1076 г. и генетически близких к нему рукописей могут быть использованы в исследованиях по исторической грамматике, лексикологии и лексикографии, при составлении словарей древнерусского и церковнославянского языка. Материалы, выявленные при сопоставлении параллельных текстов в Князьем изборнике и в других памятниках (таких как Сборник Симеона, Златоструй, Житие Ксенофонта, Пролог и др.), могут быть полезны при исследовании текстологии этих последних, определении времени и места их создания и возникновения их редакций. Источниковедческий и текстологический комментарий к текстам Изборника 1076 г. может быть использован в курсах и пособиях по истории церковнославянской письменности.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Прототип Изборника 1076 г. – Княжий изборник был составлен на основе древнеболгарских текстов. Однако гипотеза У. Федера о его создании в кругу симеоновских книжников не подтверждается лингвистическим анализом.

– При создании Княжьего изборника была использована Краткая редакция Сборника Симеона, что свидетельствует о ее очень раннем возникновении – вскоре после создания Сборника Симеона (914–927 гг.).

– С момента составления архетипа Княжьего изборника до создания рукописи 1076 г. текст сборника переписывался не менее пяти раз, при этом он четырежды (в том числе в самом Изборнике 1076 г.) подвергся целенаправленной редактуре.

– Наиболее существенные смысловые и языковые изменения в тексте сборника по сравнению с текстами его источников относятся к одной из старших стадий его развития; вероятно, по большей части они появились в процессе компилирования.

– Как показывает сопоставление с родственными списками, ряд фонетико-орфографических и морфологических восточнославянских черт Изборника 1076 г. восходит к его протографу. До создания рукописи 1076 г. Княжий изборник по крайней мере дважды переписывался древнерусскими книжниками.

– Характер лексических замен в протографе Изборника 1076 г. свидетельствует об ориентации редакторов на нормы, сложившиеся в церковнославянской книжности Древней Руси.

– Ориентация на церковнославянские образцы представлена и в слое индивидуальных лексических инноваций Изборника 1076 г., но представление о норме у редактора или редакторов, работавших с текстом на этом этапе, менее четкое. Это проявляется в заменах противоположной направленности, отражающих колебания в выборе синонимов, в унификации лексики в рамках контекста и т. д.

Апробация. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях отдела источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2009–2012 гг. и Ученого совета Института в связи с утверждением к печати издания Изборника 1076 г.

Структура исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается очерк истории изучения Изборника 1076 г. (далее И76): кратко характеризуется господствовавшее в отечественной русистике в до середины XX вв. представление о месте этого памятника в древнеславянской книжности, более подробно обсуждаются работы, вышедшие после первого научного издания рукописи, осуществленного в 1965 г. Основное внимание уделяется исследованиям У. Федерера: разработке им текстологии И76 и реконструкции его прототипа – Княжьего изборника (далее КИ). Отдельно оговаривается, какие положения текстологической концепции У. Федерера принимаются в настоящей работе и какие представляются спорными. Принципиальное отличие предлагаемого в диссертации подхода к текстологии И76 от концепции У. Федерера состоит в отказе от реконструкции на основе имеющихся рукописных свидетельств целостного архетипа сборника в его полном объеме – его состава, структуры и самого текста. КИ рассматривается как текстологический континуум, конкретные очертания которого могут уточняться по мере появления новых данных. Возникновение КИ в Болгарии в X в. не вызывает сомнений, но конкретная атрибуция (Преслав, ок. 930 г.) нуждается в пересмотре, так как она основана на общих историко-культурных соображениях, которые нельзя признать убедительными, и не снабжена лингвистическими аргументами.

Далее во Введении определяется предмет исследования, обосновывается его актуальность, формулируются цель, задачи, применяемые методы, указывается, в чем состоит его новизна, теоретическая и практическая значимость.

Глава I «Текстология Княжьего изборника», состоящая из трех разделов, посвящена изучению текстологических особенностей И76 в сопоставлении с другими списками КИ, а также описанию его славянских источников.

В первом разделе обосновывается методика текстологического исследования КИ (подраздел 1), приводятся археографические сведения о списках КИ и описание их состава в сопоставлении с И76 (подраздел 2), устанавливаются генеалогические взаимоотношения между ними и выделяются гипархетипы КИ (подраздел 3), выявляются стадии редактуры КИ (подраздел 4), определяется, в той степени, в какой это позволяет сделать наличный рукописный материал, состав и структура гипархетипов КИ (подраздел 5). Методика исследования связана с типологическими особенностями КИ. Это четкий сборник неупорядоченного состава, поэтому к нему неприменимы методы, используемые при исследовании не только цельных текстов, но и сборников, состав и структура которых подчинены какому-либо организующему принципу (например, календарному или

литургическому). В частности, совершенно иным оказывается соотношение между анализом на макро- и микроуровнях. При установлении текстологических отношений между списками цельного текста или сборника упорядоченного состава макротекстология предшествует сопоставлению на микроуровне: она дает первичную группировку списков, которая затем проверяется и детализируется на уровне микротекста. При исследовании текстологии сборника неупорядоченного состава макротекстологические особенности рукописей не могут служить ориентиром, так как порядок расположения составных частей бывает подвижным, даже если сам текст стабилен. Наоборот, макротекстологическая реконструкция (определение первоначального состава) такого сборника может опираться на микротекстологический анализ. Существование КИ как компиляции, составленной единовременно и единой в своей эволюции, доказывается сходством состава статей и особенностей текста в ряде рукописных сборников, генетически связанных с И76. Большинство статей КИ содержат характерные вторичные особенности, отличающие их от первоначального текста (если он надежно установлен) или от других редакций. Отличия имеются на разных уровнях – микротекстологическом (смысловые, стилистические, языковые изменения в тексте), в прагматике текста (смена говорящего, адресата), в мезоструктуре (сокращения исходного текста, интерполяции, перестановки, соединение различных источников в пределах одной статьи). Таким образом, двумя основными признаками, позволяющими отнести ту или иную статью в том или ином сборнике к традиции КИ, служат особая редакция или соседство с другими статьями, восходящими к этой традиции.

В исследовании учтены 15 рукописных сборников, имеющих в своем составе копии КИ различного объема (13 из них были известны У. Федеру). Их текстологическое сопоставление осложнено тем, что в каждом из них представлен свой набор статей, пересекающийся, но не совпадающий с другими. Это обстоятельство, а также вероятность использования книжниками разных источников при переписывании разных статей ставят исследователя перед необходимостью рассматривать взаимоотношения между списками КИ отдельно для каждой статьи (этот материал приведен во втором разделе главы I) и только затем, сопоставив и обобщив полученные данные, установить общую группировку списков. В результате этих процедур в эволюции текста КИ, начиная с его составления и кончая созданием И76, было выявлено не менее пяти последовательных этапов, на которых текст в большей или меньшей степени подвергался изменениям. Соответственно, итоговая генеалогическая стемма списков КИ включает четыре предшествующих И76 гипархетипа (хотя ни для одной статьи невозможно реконструировать текст на уровне каждого из них):

гипархетип *α*, представленный единственным списком НБКМ (София) № 1037 (С); гипархетип *β*, основными представителями которого являются списки НБУ НАН Украины, Мел. № 119 (М) и бóльшая часть текста РГБ, МДА № 162 (Д); гипархетип *γ*, представленный списками НБ Саратовского ГУ № 45 (О) и фрагментарным РГАДА, собр. Мазурина (ф. 196), оп. №1, № 640 (Г) и гипархетип *δ*, с основным представителем РНБ, Погод. № 1032 (П). Данные списка БАН, Т. п. № 13 (А) позволяют предполагать существование еще одного гипархетипа – *δ'*, промежуточного между *γ* и *δ*, однако удостовериться в этом невозможно из-за недостаточного объема текста, пересекающегося с основным представителем гипархетипа *δ*. По такой же причине не удастся надежно определить текстологический статус списков РГБ, Тр. № 12 + Унд. № 963 (Т), НБКМ (София) № 433 (Ю), а также фрагментарного РНБ, Соф. 1222а и утраченной рукописи из Язакского монастыря, от которой сохранилась только копия первых строк (ИЛ НАН Украины, ф. Бодянского, № 206). Первый из этих списков восходит к источнику, идентичному или близкому к гипархетипу *γ*, второй – к более раннему этапу эволюции КИ. Помимо названных гипархетипов, на стемме списков были отмечены также гипархетипы, не имеющие непосредственного отношения к истории текста И76, – иллюстрирующие «побочные» ветви эволюции текста. Эта информация может быть полезной для будущих исследований текстологии КИ (в частности, для определения места в ней списков, не привлеченных к настоящему исследованию).

Предположительная реконструкция состава гипархетипов *α*, *β*, *γ* и *δ* выполнена с учетом не только реально представленного в списках текста, но и наличия косвенных признаков – таких, как общность славянских источников и способов их обработки (приемов компилирования) – в статьях, принадлежность которых к тому или иному гипархетипу не засвидетельствована рукописным материалом.

Как было установлено в ходе постатейного текстологического анализа, на этапах, отделяющих архетип КИ от И76, текст воспроизводился последовательно, не контаминировался и не сверялся с другими источниками: в гипархетипах *α*, *β*, *γ*, *δ* был представлен гомогенный текст. Сличение источников имело место на более поздних этапах эволюции, что отразилось в частичной контаминации текста или исправлении отдельных чтений по дополнительным источникам в списках О (точнее, в гипархетипе *γ*₂, так как список Г разделяет с О все особенности такого рода), Д, П, И76 и, возможно, в А. В частности, в списке О одна глава КИ («Слословец») целиком заменена традиционной редакцией этого произведения, а выборка из славянского перевода «зеркала» Агапита («Наказание богатым») дополнена отрывками из его полной версии. В списке Д четыре небольших по объему статьи восходят к гипархетипу *γ*, а не *β*, как бóльшая часть текста. В

И76 отмечены случаи исправления отдельных чтений в «Наказании» Исихия и «Слове о подвижничестве» Василия Великого, а также – в «Вопросах Афанасия» – дополнения текста, взятого из основного источника (гипархетипа δ), частями, заимствованными из дополнительного источника, близкого к списку М. Текст еще одной главы – «Стословца», – который был сокращен вдвое в гипархетипе γ , также восполнен в И76 по полной версии, но установить, какой источник был при этом использован, не удастся.

Наиболее радикальные изменения, затрагивающие содержание и прагматику текстов-источников, были произведены на самом раннем этапе эволюции КИ, в гипархетипе α . В двух следующих гипархетипах – β и γ – присутствует обильная смысловая, стилистическая, языковая правка. Гипархетип δ (и условно-возможный δ') содержит минимальные следы редакторской деятельности. Поэтому при описании приемов редактуры и языковых изменений в истории текста И76 мы различаем три стадии эволюции текста, к которым относится подавляющая часть текстологического материала: КИ1 (соответствующую гипархетипу α), КИ2 (соответствующую гипархетипу β) и КИ3, соответствующую гипархетипам γ и δ . В тех случаях, когда приходится обсуждать изменения, восходящие к гипархетипу δ (это касается главным образом раздела о фонетико-орфографических инновациях, гл. III.1), используются обозначения КИ3 (γ) и КИ3 (δ).

Во втором разделе приведено полное стратиграфическое описание статей И76. Эволюция текста каждой статьи прослеживается начиная со славянских источников, использованных составителями КИ. Регистрируются все изменения, внесенные в текст в каждом из гипархетипов, представленных рукописными свидетельствами.

Третий раздел посвящен трем древнеболгарским сборникам – источникам КИ: Минейному сборнику, Сборнику Симеона и Златострую. Для того, чтобы сравнить эти источники со списками КИ, были проведены предварительные исследования, результаты которых выходят за рамки истории текста отдельных статей КИ. Наибольший интерес представляет материал, выявленный при исследовании Минейного сборника, так как этот памятник еще слабо освоен текстологами. Совершенно не изученным остается его центральный раздел – свод отрывков из самых различных греко-византийских произведений, от библейских текстов и ранних отцов Церкви до сочинений, почти современных созданию перевода (например, патриарха Фотия или Исаака Сирина, перевод сочинений которого на греческий предположительно датируют IX в.). Анализ этого материала подтверждает высказанное У. Федером мнение о том, что Минейный сборник представляет собой продукт чтения (Lesefrüchte) греческих оригиналов, сопровождавшегося выборочным переводом. Во всяком случае, в составе сборника не встретилось текстов, текстологически зависимых от

каких-либо более полных славянских переводов соответствующих византийских сочинений. В ходе исследования были определены греческие источники ряда фрагментов Минейного сборника – сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Фотия, Исаака Сирина. Сопоставление текстов КИ с параллельными текстами, содержащимися в списках Минейного сборника, а также его греческими оригиналами позволило сделать вывод о несомненной зависимости КИ от Минейного сборника в целом, хотя в списках последнего встречаются отдельные искажения текста (в основном механического свойства), которым в КИ соответствуют правильные чтения. Таким образом, в известных в настоящее время списках Минейного сборника содержится текст, пусть и не идеально отражающий архетип перевода, но очень близкий к нему, не подвергавшийся переделкам или целенаправленной редактуре.

Сопоставление текстов КИ, заимствованных из Сборника царя Симеона, со списками этого текста (нами были учтены практически все известные списки) привело к достаточно неожиданному результату: обнаружилась непосредственная зависимость КИ от Краткой редакции Симеонова сборника. Эта редакция представлена лишь тремя древнерусскими списками XV–XVI вв. Тот факт, что она послужила источником для компиляции, возникшей в X в. в Болгарии, существенно повышает ее текстологический статус. В частности, при анализе расхождений между Краткой редакцией и КИ, с одной стороны, и остальными списками Сборника Симеона, с другой, в Краткой редакции были отмечены некоторые архетипические чтения, утраченные в других группах списков.

В ходе исследования пристальное внимание было уделено отдельному вопросу: не был ли знаменитый список Сборника Симеона – Изборник 1073 г., созданный древнерусскими писцами тремя годами раньше И76, использован в качестве дополнительного источника, по которому писцы И76 сверяли параллельные тексты? Результат оказался однозначно отрицательным: ни одно из индивидуальных (отличных от протографа) чтений ни в И76, ни в каком-либо другом списке КИ не может быть объяснено влиянием Изборника 1073 г.

Поскольку греческий оригинал Симеонова сборника, известный в большом количестве рукописей, не издан, греческие параллели к исследуемым отрывкам Симеонова сборника были установлены по семи рукописям, которые в специальных работах на эту тему М. В. Бибикова и Д. Т. Сийсверда признаны наиболее близкими к архетипу перевода. При этом было отмечено, что для объяснения славянского текста лучшим из них является Vat. 423 (данное наблюдение подтверждает предварительные выводы, сделанные в монографии М. В. Бибикова 1996 г.).

Сопоставление КИ со Златоустом сводится к частным наблюдениям: две небольшие статьи КИ – §§984 и 1040–1042 в И76 – не были заимствованы соответственно из 75-й («Слово о суде») и 81-й глав Златоусту, как предполагали предыдущие исследователи. §§984 представляет собой извлечение из «Слова о молитве» Иоанна Златоуста (которое также входит в Златоусту – 73-я глава Краткой редакции). Это же извлечение было использовано при составлении компилятивного «Слова о суде», которое впоследствии вошло в виде отдельной главы в Златоусту.

В главе II «**Особенности компилирования и редактирования Княжьего сборника**» на материале КИ обсуждаются три уровня деятельности древнеславянских книжников при создании рукописных сборников: компилирование, редактирование и копирование.

Компилирование (отбор и переработка источников с целью создания нового текста с собственной прагматикой и жанровой формой). КИ является сборником неупорядоченного состава. В отборе включенных в него текстов, на первый взгляд, не усматривается никакого руководящего принципа, кроме их общего нравственно-назидательного характера, в компоновке статей не прослеживается никакого заданного плана. В сборник входят тексты самого разного происхождения (библейские, патристические, эксплицитно анонимные – ср. заглавия первых двух статей И76: «Слово некоего калугера о чтении книг», «Слово некоего отца к сыну») и жанровой принадлежности (гномологические, гомилетические, агиографические, эротапокритические). Все тексты КИ, состоящие из серий сходных по форме элементов – гномологии, эротапокритические сочинения, собрание кратких поучений – отличаются серьезными нарушениями исходной структуры. По мнению У. Федера, в композиции этих текстов отсутствует организующее начало: дезинтеграция исходного текста и «хаотизация» его частей возведена в принцип, которым руководствовались книжники при отборе и компоновке материала. Однако при внимательном рассмотрении в структуре КИ обнаруживаются определенные приемы компоновки фрагментов. Гномологические главы гомогенны – каждая состоит из предложений, взятых из какого-то одного источника (если не считать отдельных интерполяций), эротапокритический раздел и собрание поучений (глава 14 И76) составлены из текстов разного происхождения. В гномологиях обращает на себя внимание следующая закономерность: исходный текст, как правило, сокращен в КИ таким образом, что пропущенные фрагменты распределяются по нему равномерно, а в некоторых главах эта особенность осложнена повторным прохождением исходного текста от двух («Андрианты», «Разумы Менандра») до четырех (выборка из «Премудрости Иисуса Сирахова») раз. Такой же способ многократного «пунктирного» компилирования был применен при составлении Минейного сборника. Возможно, это сознательный прием,

выработанный книжниками в целях большего сосредоточения на работе: ведь отбор фрагментов (неважно, по какому критерию) требует большего напряжения внимания, чем сплошное переписывание, которое легко превращается в механическое занятие. Эротопокритический раздел («Вопросы Афанасия») и собрание поучений («Сбор от мног отец») организованы по двум принципам: жанровому и тематическому. Формальные жанровые характеристики служили основным критерием при включении текста в тот или иной раздел: это хорошо видно по распределению в КИ эксцерптов из двух сборников, которые также имеют сложную структуру, включающую разные по форме тексты, – Сборника Симеона и Минейного сборника. Все эксцерпты из этих источников, имеющие вопросно-ответную форму, собраны в разделе «Вопросы», все краткие поучения – в «Сборе оть многъ отецъ». При этом компилятор руководствовался собственным композиционным планом: Минейный и Симеонов сборники имеют совершенно другую структуру. В результате такого перекаивания источников тексты КИ приобрели жанровую однородность. Например, «Андрианты» – подборка разнородных отрывков в Минейном сборнике превратилась в КИ в гораздо более оформленный текст гномического характера, а один пассаж, имевший условно-диалогическую форму, переместился в эротопокритический раздел, где ему также был придан более четкий вид: компилятор разбил его на три «Вопроса и ответа», снабдив первый недостающими пометами **Въпросъ** (вместо исконного чтения **въпраша кѣто старьца отъ богоносивыхъ отецъ**) и **Отъвѣтъ**. В такой организации сборника, когда связующим принципом служит жанровый критерий, а представление о произведении – источнике практически не выражено, можно видеть своеобразную реализацию того свойства, которое Д. С. Лихачев сформулировал для древнерусской литературы: «Текст неустойчив и традиционен, жанры резко отграничены друг от друга, а произведения отграничены друг от друга слабо»¹. Внутри разделов «Вопросы Афанасия» и собрание поучений «Сбор от мног отецъ» расположение отрывков подчиняется тематическому принципу. Особенно явственно – на протяжении целых блоков фрагментов – он прослеживается в композиции «Сбора». Иногда между соседними фрагментами, объединенными единой темой, возникают дополнительные связи за счет словесной переклички; в отдельных случаях, видимо, можно говорить об интегрирующей роли библейских аллюзий. Так, статьи 14.22 и 14.23, помимо общей темы («пути христианского спасения»), скреплены повторением неключевых слов (**лѣнитисѧ** в конце 14.22– **лѣнь живоуца** в начале 14.23) и отсылками к 3-й главе Евангелия от Луки, причем, если статья 14.23 представляет собой расширенную вариацию стихов 10–14 с прямым цитированием

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С.16

евангельского текста, то в 14.22 аллюзия держится на лексических ассоциациях, ср. §1025 *мънози поутыкъ съпасениа*, §1030 *по въсѣмъ симъ ходи по всѣа дни зѣло бо блази поутыкъ* – Лк 3:4–5 *приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези ему... и узрит всякая плоть спасение Божие*. В отдельных случаях компилятор радикально менял смысл очередного фрагмента, тематически приспособливая его к соседним. Так, в §655 тема греха (вместо изначальной – «несдержанность языка») появилась под влиянием предыдущих фрагментов (§§653–654). Наоборот, в нескольких местах компилятор, не изменив ни слова в тексте, придал ему совершенно иной смысл исключительно за счет перекомпоновки фрагментов и интерполяций из других источников. Это более высокий уровень компилирования, чем просто расположение рядом выдержек на одну тему, – компилятор, по существу, становится автором нового текста, составленного из элементов старого. Яркий пример такого центонного письма содержится в «Стословце», §§114–116.

Редактирование. К этому уровню относятся различные манипуляции с текстом, не предполагающие нарушения его идентичности, т. е. существенных содержательно-смысловых, жанровых и стилистических параметров, и направленные на приведение текста к «правильному», с точки зрения редактора, виду. Обобщая материал, представленный в главе I, мы отмечаем общие тенденции в работе редакторов (различное отношение к разным текстам, связанное с их литературным качеством, авторитетностью автора, функциональными характеристиками; правка, направленная на повышение связности между разрозненными фрагментами текста, стилистическая правка), а также некоторые черты и приемы, специфичные для каждого из них. Основной объем правки – как смысловой, так и языковой – фиксируется на старших стадиях эволюции КИ. По-видимому, наиболее решительно текст правился в процессе компилирования, хотя различить деятельность компилятора (стадия 1) и редактора, работавшего на следующей стадии (КИ2), можно только на небольших участках текста. Редакторы КИ3 и И76 более внимательны к тексту, позволяют себе меньше произвольных изменений.

Копирование. Перечень ошибок, внесенных в текст КИ в процессе его трансмиссии, показывает, что на всех стадиях от КИ1 до И76 с текстом работали опытные и сведущие книжники. Основную часть ошибок, появившихся в КИ на всех стадиях вплоть до И76, составляют механические опiski: инерционные повторы, гаплографические пропуски или пропуски отдельных букв, реже – целых слов. Смысловых ошибок, возникших вследствие непонимания воспроизводимого текста, совсем немного. Большая часть ошибок распознавания текста восходит к источникам КИ (то есть использованным при его составлении копиям текстов-источников). В ходе трансмиссии КИ многие ошибки,

унаследованные от первичных источников, были тем или иным способом (путем конъектур или сокращений содержащих порчу сегментов текста) устранены.

В главе II уточняется типологическая характеристика КИ. Он относится к чрезвычайно распространенному, но мало изученному типу древнеславянского сборника, для которого в науке нет устоявшегося определения. Существующие термины характеризуют типологию сборников в различных аспектах: по содержанию (сборник смешанного содержания, отечник), принципам составления (сборник индивидуального состава, авторский сборник, центонный сборник), личности составителя (монашеский сборник), предназначению (аскетический сборник). Ни один из них не описывает своеобразия КИ как типа компилятивного текста. В типологическом плане чрезвычайно важной представляется прагматическая ситуация: кем, для кого и с какой целью был создан сборник. Если, как в случае с КИ, в самом тексте не содержится указаний на эти обстоятельства, надо попытаться реконструировать их, хотя бы в самом общем виде, на основании косвенных признаков, так как прагматика текста напрямую влияет на манипуляции с ним составителей и редакторов, от отбора источников и их обработки до мелких изменений, в том числе лексико-синонимических замен. КИ, по-видимому, изначально предназначался для индивидуального использования, его адресатом был мирянин высокого социального положения, причем составитель ставит себя по отношению к нему в положение старшего, духовного наставника. Эти выводы делаются на основании как внутренней прагматики большинства глав КИ, так и окказиональных изменений грамматики, не мотивированных контекстом: например, *послоушан ты* вм. *послоушантє* л. 4.1, *подражан* вм. *подражанмъ* л. 241 об.3.

Отдельный раздел главы II посвящен отношению редакторов КИ к библейским цитатам. Обсуждаются следующие вопросы: каково общее отношение к цитируемому библейскому тексту; практикуется ли сверка цитат со славянской Библией; какие части Писания лучше известны редакторам; можно ли определить, какие редакции библейского текста используются при правке. Отмечается, что способы обращения с собственно библейским текстом отличаются от обращения с цитатами в патристических сочинениях. Работая с текстом «Премудрости Иисуса Сирахова», редакторы прилагали большие усилия к тому, чтобы прояснить непонятный текст при помощи конъектур. В других главах редакторы не проявляют особого пиетета к библейскому (как ветхо-, так и новозаветному) тексту, его правят так же, как любой другой. Приводятся все замеченные случаи исправления неточных цитат по библейскому тексту, замен одних вариантов, известных в библейской традиции, другими, интерполирования библейских цитат в текст. Наиболее яркие случаи исправления цитат по библейскому тексту обнаруживаются в слое индивидуальных инноваций И76. В

частности, восполнен пропуск в стихе Мф. 25:35 (205 об.10–11), восстановлен искаженный текст Мф 12:26 (193.8). Ряд исправлений (лл. 203–204 об.), в обширной цитате из Послания к ефесянам свидетельствуют о знакомстве с текстом Апостола. На всех стадиях редактуры правка библейских цитат и интерполяции ограничиваются текстами Нового Завета – Евангелиями и (в меньшей степени) Апостолом. Исправлений, свидетельствующих о знакомстве с ветхозаветными текстами, не встретилось. Исправления цитат и интерполяции из Священного Писания производились редакторами по памяти, без сверки с библейским текстом. Количество исправлений в неточных библейских цитатах невелико, но из этого нельзя делать вывода, что редакторы плохо знали библейский текст. Отсутствие систематического исправления библейских цитат в КИ подтверждает известный факт: точное цитирование не входило в правила древнеславянских книжников. Переводчики обычно предпочитали аутентичному библейскому тексту его представление в переводимом греческом оригинале и воспроизводили неточности в цитатах. Равным образом редакторы и копиисты X–XI вв. не находили нужным исправлять цитаты и допускали весьма свободное использование библейского текста, вплоть до прямой перемены смысла.

Глава III **«Языковая правка в Княжьем изборнике»**, состоящая из двух разделов, содержит анализ языковых инноваций на всех стадиях эволюции текста. Этот материал рассматривается в двух аспектах. Во-первых, описываются те особенности церковнославянского языка, которым оказывал предпочтение каждый из редакторов КИ, в том числе редактор И76. Во-вторых, делается попытка определить языковую принадлежность редакторов КИ1, КИ2 и КИ3. Как уже говорилось, в самом тексте КИ не содержится указаний на то, где и когда он был составлен и редактировался, поэтому восстановить историю бытования сборника до создания И76 можно только на основании лингвистических данных.

В разделе 1 рассматриваются фонетико-орфографические и морфологические восточнославянские особенности И76, восходящие к его протографу. С помощью сопоставления грамматических русизмов И76 с параллельными формами в других списках КИ и выявления в них совпадений устанавливается, к какой стадии эволюции восходит та или иная инновация. Сопоставление проводится только по древнерусским спискам КИ (в южнославянских списках восточнославянские языковые элементы не представлены, хотя, по-видимому, они присутствовали в протографе по крайней мере одного из них – сербской рукописи А) и ограничено релевантными признаками, то есть такими, по которым а) в И76 не превалирует древнерусская норма (например, в число признаков, релевантных для И76, не попадают являющиеся нормой для обоих его писцов окончание **-тъ** в 3 л. презенса и

окончания флексии тв. ед. -ѣмь) и б) хотя бы в одном из других списков КИ представлено варьирование между южно- и восточнославянскими способами реализации признака. Релевантность того или иного признака для И76 установлена Е. А. Мишиной²; для остальных рукописей, за отсутствием их лингвистических описаний, она определяется в работе отдельно, путем фронтальной проверки способов реализации признака в каждой из них. Названным условиям отвечают следующие особенности: а) ч в соответствии с **tj*, б) полногласные написания в рефлексах **ColC*, **CorC*, **CerC*, **CelC*, в) начальное о- в соответствии с южнославянским ю-, г) формы местоимений с основами **тоб-** и **соб-**, д) окончание -ѣ в род. ед., им. и вин. мн. у имен мягкой разновидности в соответствии с южнославянским -а. Сопоставление приводит к следующим результатам. Случаи, в которых совпадение восточнославянских фонетико-орфографических и морфологических элементов в списках КИ можно считать неслучайным, немногочисленны. Тем не менее они позволяют предполагать, что русизмы имелись в младшем гипархетипе И76 – δ (**норовъ**, **половелъ**, **одинъ**) и в предшествующем ему гипархетипе γ , относящемся к стадии КИЗ (**съкрачакши**, **хоронити**, **боротиса**, местоимение вин. п. мн. ч. **ѣ**). Относительно гипархетипа β (стадии КИ2) такого вывода сделать нельзя: совпадение нескольких русизмов (полногласия в лексеме **норовъ**, -ч- на месте **tj* в форме **пошьпъчетъ**, начального о- в **одъва** и **опитимиахъ**) в восходящем к этому гипархетипу списке Д и списках младших гипархетипов должно быть признано случайным, так как список Д содержит большое количество индивидуальных русизмов, а в списке М, также восходящем к гипархетипу β , совпадающих с И76 восточнославянских написаний (помимо одного непоказательного случая) не встретилось.

В разделе 2 рассматриваются лексические инновации, появившиеся в тексте КИ на всех стадиях его эволюции, – главным образом лексические замены, но также некоторые лексемы, устраненные из текста или содержащиеся в интерполяциях, принадлежащих редакторам КИ. Приводятся перечни лексических инноваций, выявленных на каждой стадии эволюции текста. Отдельный подраздел посвящен анализу некоторых выявленных в КИ лексических замен с точки зрения их принадлежности к той или иной книжной традиции. Здесь рассматриваются те случаи, когда а) одни и те же замены встретились в тексте неоднократно и данные об этих фактах требуют обобщения, и б) причина лексической замены не очевидна и для ее анализа необходимо привлечь материал других древнеславянских памятников.

² Е. А. Мишина. Графико-орфографические особенности рукописи // Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольщенко. Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. 1. С. 123–137.

После этого дается анализ лексических инноваций, выявленных на всех стадиях редактирования КИ. Слой инноваций, восходящих к КИ1 или КИ2, представляет результат целенаправленной и весьма решительной языковой редактур. О сознательной установке редакторов на обновление лексики свидетельствует ряд лексических замен, проведенных последовательно по всему тексту – **ниць** → **оубогъ**, **присно** → **выноу**, **прѣмждръ**, **-остъ** → **мждръ**, **-остъ**, **истиньнъ** → **истовъ** (а также **неистиньствовати** → **неистовьствовати**), **вино** → **медъ**, **цѣсарь** → **кѣназь**, устранение лексики с основами **прѣзор-**, **боѹи-**. Отмечаются случаи устранения слов, которые уже в X в. имели архаичную окраску, – таких как **искрънии**, **врѣтъпъ**, **коварьнъ** (в положительном значении ‘искусный’), **боѹи**, **непѣчевати**, **почисти**, **казати**, **нерадити**. Их субститутами выступают общеупотребительные в текстах X–XI вв. лексемы. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие среди инноваций специфически южнославянской лексики (за исключением предлога **отъ** при обозначении движения вниз и послелога **дѣльма**). Напротив, есть примеры устранения болгаризмов, чуждых классическим старославянским текстам: **вѣшью** → **отънждъ**, **пищевати** → **тоужити**, **прѣзоривъ** → **грѣдъ**. Отдельно рассматривается вопрос о соотношении этого слоя инноваций с характерной преславской лексикой. Ряд замен, представленных в КИ1–2, известны по преславским редакциям кирилло-мефодиевских текстов: **благъ** → **добръ**, **всакъ** → **всь**, **врѣтъпъ** → **пещера**, **искрънии** → **ближнии**, **истиньнъ** → **истовъ** (и **неистиньствовати** → **неистовьствовати**), **крѣпость** → **сила**, **молитва** → **мольба**, **ниць** → **оубогъ**, **прѣмоудръ** → **моудръ**, – однако использованные при этом новые лексемы встречаются и вне круга преславских памятников. Несколько лексических замен прямо противоположны случаям, засвидетельствованным в преславских памятниках: **овлѣци** → **одѣти**, **присно** → **выноу**, а также уже упоминавшиеся примеры замещения лексики с основой **прѣзор-** образованиями от **грѣд-**. Наконец, важен тот факт, что большое количество слов, которые регулярно устранялись в симоновских редакциях, в КИ1–2 не подверглись правке. Таким образом, обзор лексических инноваций в КИ1–2 на фоне изначального лексического состава включенных в него текстов позволяет применить ко всему сборнику мнение А. А. Пичхадзе, высказанное о происхождении выборки из книги Сирахова: «ее возникновение в кругу симоновских книжников сомнительно»³. Ряд инноваций КИ1–2 находит аналогии в восточнославянском материале. Некоторые из них не показательны, так как встречаются не только в восточнославянских, но

³ А. А. Пичхадзе. Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2002–2003>. М., 2003, с. 20.

и в восточноболгарских текстах: **благыи** → **добрыи**, **истина** → **правьда** (а также **лъжь** → **неправьда**), **нишь** → **оубогъ**, **въдати** (с инфинитивом) → **дати**, **дати** (часть наследства) → **въдати**. Но несколько замен заставляют считаться с возможностью того, что не позднее КИ2 текст правился древнерусским редактором: **вино** → **медъ**, **цѣсарь** → **кѣназь**, **боѹи** → **боголишивъ**. Кроме того, можно подозревать инновативность образования с приставкой **вы-** (**вымѣтати**) в тексте, к которому нет параллелей в независимых от КИ рукописных источниках. Тем не менее, рассмотрев функционирование этих лексем в древнеславянской книжности, мы пришли к выводу, что ни одна из перечисленных инноваций не является «стопроцентно» восточнославянской. Изменения в лексике, восходящие к КИЗ, незначительны, их объем и характер говорят о том, что редакторы, правившие текст на стадии КИЗ, в языковом отношении были консервативны. Большинство примеров – это замены вполне употребительных слов, известных еще по старославянским памятникам, их словообразовательными вариантами с близким значением или близкими синонимами, также широко распространенными в текстах X–XI вв.: **благодарикъ** → **благодареникъ**, **въсакъ** → **вьсь**, **глаголъ** → **глаголаникъ**, **добровѣрныи** → **доброчестивъи**, **житикъ** → **жизнь**, **застоупникъ** → **помощникъ**, **избити** → **побити**, **истиньныи** → **истовыи**, **наказатель** → **казатель**, **наставникъ** → **наказатель**, **ръвникъ** → **ръвность**. В некоторых случаях можно, видимо, говорить о том, что редактор старался придерживаться кирилло-мефодиевского словоупотребления, предпочитая лексемы, имеющие книжную окраску, общеупотребительным: **добрыи** → **благыи**; **оукорити** → **поносити**; в принадлежащей редактору КИЗ интерполяции встретился глагол **напитати** (а не **крѣмити**). Отказом от регионализма в пользу общеславянского выражения объясняются замены **боголишивъ** → **безоумьнъ**, **лицевати** → **тоужити** (при этом выбор альтернативной лексемы мог быть продиктован ее присутствием в том же пассаже уже в оригинале). Ярким примером устранения болгаризма служат замены **замждити** → **замьдѣлти** и **мждьно** → **мьдѣльно**: лексика гнезда **-мжд-** в церковнославянском тексте X–XI в. узаконивалась ее присутствием в старославянских памятниках, ее тотальное искоренение в КИ определенно указывает на смену языковых предпочтений. В этой группе примеров показателен не только факт устранения определенного лексического гнезда, но и выбор субститута: в южнославянских памятниках основным конкурентом лексики гнезда **-мжд-** выступает лексика гнезда **-кѣсн-**, а образования от **-мьдѣл-** представлены в основном в западно- и восточнославянских текстах. Восточнославянскую окраску имеют глагол с приставкой **вы-** (**исходити** → **вылазити**) и, по-

видимому, замена **ДАТИ** → **ВЪДАТИ**, встретившаяся дважды в контекстах, где идет речь о передаче материальных ценностей (один из этих примеров относится к младшему гипархетипу стадии 3 – δ). Влияние древнерусского узуса можно предполагать также в заменах **ОТЪДАТИ** (**ОТЪВЪТЪ**) → **ВЪДАТИ** и **СЪТОВАТИ** → **ЖЕЛЪТИ**.

Обширную группу составляют индивидуальные инновации И76 (т. е. те, которых еще не было в тексте КИЗ). Только две или три инновации проведены последовательно по всему тексту – это замены **РАДИ** → **ДЪЛА**, **ЦЪСАРЬ** → **КЪНАЗЬ** (причем данная замена в главах 6–8 И76 подготовлена наличием лексемы **КЪНАЗЬ** в предшествующем тексте) и, возможно, устранение местоимения **ЕТЕРЪ**. Большинство лексических замен представлено единичными случаями. Среди инноваций И76 есть несколько редких лексем: **ПОКЛАНАТЕЛЬ**, **ШЕСТОКРИЛЬЦЬ**, **ВЕЗОБРАЗИТИ**. Но, как правило, редактор заменял редкие слова более употребительными (**ОКРАЩАТИ** → **ОУМАЛАТИ**, **КЛЕВРЪТЪ** → **РАВЪ**, **САНЪ** → **ЧИНЪ**, **ПРИСЪЩАТИ** → **ПОСЪЩАТИ**, **БЛАГЫНЬ ДОБРОЛЪПІЕ** → **БЛАГОЛЪПИК ДОБРОТЪ**, **КРОВЪ** → **ХРАМЪ**, **ПРОСАЩИИ** → **НИЩИИ**). Он почти не вводил архаичной лексики (ср., однако, **ВЕЛИКЪ** → **ВЕЛИИ**) – наоборот, чаще устранял архаизмы (**ВЛАДЫКА** (ἄρχων), **НЕЗЪЛОВИК**, **ЕТЕРЪ**, **ИСКРЪНИИ**, **ПРАМО**). Нет ни одного примера использования регионализмов вместо общецерковнославянских выражений; напротив, прослеживается стремление избавиться от них (ср., например, замену **БОГОЛИШИВЫИ** → **ОУРОДИВЫИ**). Подбирая замену слову, которое почему-либо не устраивало его, редактор И76 ориентировался на известные ему литературные образцы, в том числе библейские тексты; выбранные им выражения могли не иметь никакой опоры в окружающей действительности (ср., например, использование слова **СОУДИИ** вместо **ВЛАДЫКА**, л. 129 об.1). Но границы того, что, по-видимому, являлось для этого книжника литературной нормой, не всегда совпадают с лексическим репертуаром библейских текстов (не только в их древнейшем виде, но и в позднейших редакциях): это видно по таким заменам, как **БРАКЪ** → **СВАТЬБА**, **БРЪНЬК** → **КАЛЪ**. Часть замен находит аналогии в памятниках восточнославянского происхождения (**БРАКЪ** → **СВАТЬБА**, **ОУТРО** → **ЗАОУТРА**, **ЧРЪНОРИЗЪЦЬ** → **КАЛОУГЕРЪ**, **ЛЮБИМЫИ** → **ЛЮБЫИ**) или отражает предпочтения, типичные как для восточнославянских, так и для восточноболгарских книжников (**РАДИ** → **ДЪЛА**, **ЗЪЛО** → **ВЕЛЬМИ**, **ДОБРОТА** → **КРАСОТА**, **ПАСТЫРЬ** → **ПАСТОУХЪ**, **СКРЪБЪ** → **ПЕЧАЛЬ**, **БРЪНЬК** → **КАЛЪ**). Несколько замен имеют прямо противоположную направленность: **НАПИТАТИ** → **НАКРЪМИТИ** и **НАКРЪМИТИ** → **НАПИТАТИ**, **МОУДРОСТЬ** → **ПРЪМЖДРОСТЬ** и **ПРЪМЖДРОСТЬ** → **МОУДРОСТЬ**, **ВИНО** → **МЕДЪ** и **МЕДЪ** → **ВИНО**.

Об отсутствии у редактора И76 строго заданных установок свидетельствуют многочисленные примеры замены слов синонимами из близкого контекста: **истовыи** → **истиньныи** 117.12, **житик** → **жизнь** 10 об.4, **глаголь** → **глаголаник** 194.7, **лѣпо есть** → **подобаетъ** 101 об.1, **ненавидѣти** → **вѣгати** 103.2, 107.11, **любодѣица** → **блудница** 175.6, **медъ** → **вино** 236 об.11, 237 об.3, 6, **разоумьныи** → **разоумивыи** 180.1, **нищъ** → **оубогъ** 42 об.5 и 143.2, **въсхвалитъ** → **похвалитъ** 81.11, **храмина** → **полата** 18.11, **алѣкота** → **постъ** 35.7. Эти случаи позволяют заключить, что целью проведенной в И76 редактуры не было последовательное обновление лексики, ее сдвиг в сторону иной традиции. Языковая правка на этом этапе была по большей части результатом филологической работы с текстом весьма компетентного редактора или редакторов. Анализ лексических изменений позволяет убедиться в том, что в своем большинстве они вызваны не новаторским подходом к языку оригинала, а, наоборот, чувствительностью к имеющемуся в нем, в силу разнородности его составных частей, лексическому разнообразию и стремлением унифицировать языковые средства, выбирая наиболее «правильные» из конкурирующих вариантов.

Трудности, возникающие при попытке объяснить лексические инновации в КИ, связаны не только с неполнотой наших представлений о языке древнеславянской книжности. Для того чтобы адекватно оценить этот материал, нельзя ограничиться разбором вопросов о языковых стратегиях редакторов КИ, – нужно постоянно иметь в виду, что лексические изменения в КИ очень часто связаны со смысловой правкой, а также с функциональной и прагматической переориентацией включенных в сборник текстов. Было бы методологической ошибкой анализировать правку в КИ способами, которые обычно используются при исследовании языковой редактуры цельных текстов. Редактура в КИ отличается от них в нескольких аспектах: отрывом от греческого оригинала переводов (напомним, что ни на одном этапе не обнаружено следов сверки с греческим текстом); неравномерным, иногда довольно вольным отношением к текстам; переосмыслением отдельных выражений и фраз в фрагментах, изъятых из первоначального контекста и перетасованных между собой. Ряд рассмотренных нами лексических замен, в сущности, не относятся к явлениям языковой правки. Например, **вино** и **цѣсарь** – это привычные лексемы для всякого книжника, знакомого с византийскими или библейскими текстами, и ни языковых, ни стилистических причин устранять их не было. Редакторы КИ заменяли эти слова на **медъ** и **кѣназь** с целью приблизить текст к своей аудитории. Это явление того же рода, что замена глаголов в 3-м лице изъявительного наклонения императивными формами 2-го лица или переадресация мирянам «Поучения» Василия Великого, обращенного к

монахам. Некоторые лексические замены, которые могли бы быть синонимическими при языковой или при стилистической редакции, в данном случае являются смысловыми. Иногда трудно решить, к какой категории – смысловой, стилистической, языковой – относится изменение. Например, остается неясным, какой смысл вкладывал редактор в эпитеты **ХОУПАВЪ** и **БЛАДИВЪ**, использованные им вместо **ГРЪДЪ** и **БЛАДЫНЪ** (84 об.4–5), и является ли синонимической замена **ВЪРЪНЪ** → **ИСТИНЪНЪ** (32.3) во фразе, утратившей в новом окружении первоначальный смысл.

В Заключении подводятся итоги лингвотекстологического исследования.

В диссертационной работе были впервые определены источники ряда статей И76 и уточнено отношение некоторых его текстов к редакциям и разновидностям сочинений, связь с которыми была установлена прежними исследователями. В частности, были указаны ранее не замеченные параллели к КИ в Минеинном сборнике – своде переводных сочинений эпохи Первого Болгарского царства. Минеинный сборник, открытый Д. М. Буланиным, в большей своей части остается не исследованным. В настоящей работе определены греческие источники некоторых его текстов (фрагменты сочинений Иоанна Златоуста, патриарха Фотия, греческого перевода Слов Исаака Сирина и др.). Установлено отношение КИ к текстологии Сборника Симеона. Как выяснилось, при составлении КИ была использована Краткая редакция этого памятника (представленная только списками XV в.), что позволяет датировать ее ранним периодом – не позднее X в. Из других наблюдений над текстологией КИ, имеющих отношение к его источникам, нужно упомянуть подборку патериковых и житийных рассказов, из которой в И76 читается только «Слово о милостивом Созомене». Сама эта подборка, как показывает сравнение родственных И76 списков, входила в состав КИ изначально, но ее состав менялся в ходе эволюции сборника, и, в частности, «Слово о милостивом Созомене» могло быть добавлено позднее.

В результате лингвотекстологического сопоставления И76 и генеалогически близких ему сборников в истории текста КИ было выявлено несколько этапов. С момента составления архетипа КИ до создания рукописи И76 текст сборника переписывался не менее пяти раз, при этом он четырежды (в том числе при создании И76) подвергся целенаправленной редакции. Важно подчеркнуть, что на первых трех этапах редактирования не обнаружилось следов сверки текста по дополнительным источникам – ни греческим, ни славянским (контаминация редакций и версий отдельных статей отмечается только в некоторых списках, в том числе в И76). Эта особенность рукописной традиции КИ позволила провести стратификацию внесенных в первоначальный текст изменений, установить генеалогию списков и относительную хронологию гипархетипов.

Вопрос о локализации архетипа сборника в настоящее время может быть решен только в отрицательном смысле. Возникновение КИ в Киевской Руси маловероятно по экстралингвистическим соображениям – прежде всего ввиду отсутствия древнерусских списков, восходящих к старшему этапу эволюции текста. Против такой гипотезы свидетельствуют и лингвистические данные: реконструкция последовательности вносившихся в текст изменений показала, что в наиболее раннем слое правки отсутствуют восточнославянские языковые черты. В то же время мнение У. Федера о том, что КИ был создан в кругу симеоновских книжников и затем вторично переработан в Преславе около середины X в., не подтверждается лингвистическим анализом текста. Среди инноваций, появившихся в КИ на всех стадиях эволюции текста, отсутствует лексика, которую в обширной литературе на эту тему относят к отличительным приметам преславской книжной школы, – наоборот, уже в самом раннем слое правки есть примеры устранения преславизмов, их замены на слова, относящиеся к другим книжным традициям. При этом наиболее радикальные изменения в языковом облике текстов И76 (в сравнении с их первичными славянскими источниками) – модернизация лексики, появление регионализмов, употребление общеславянских слов в необычных значениях – восходят к ранним этапам эволюции КИ, причем на большую долю – к этапу 1, несомненно еще южнославянскому. На следующем этапе сборник также правился не древнерусскими книжниками, поскольку один из восходящих к этому этапу списков был переписан со среднеболгарского протографа. Элементы фонетико-орфографической и морфологической русификации на этой стадии не прослеживаются. Среди лексических инноваций, которые можно с надежностью отнести к этой стадии, также нет несомненных русизмов.

Установленной можно считать связь с восточнославянской почвой третьего этапа эволюции текста – об этом свидетельствует рукописная традиция, а также несколько грамматических русизмов, которые реконструируются на уровне двух последовательных гипархетипов этого этапа. Примечательно, что среди лексических инноваций, восходящих к этому этапу, почти нет русизмов: только одна из них имеет явно выраженный неюжнославянский характер: глагол с приставкой **вы-** – **вылазити**, употребленный вместо **исходити**. В остальном инновации текста на этом этапе демонстрируют стремление редакторов к последовательному соблюдению церковнославянских языковых норм, выразившееся, в частности, в устранении некоторых регионализмов, имевшихся в протографе.

Той же стратегией определяется бóльшая часть лексических инноваций в индивидуальном слое правки И76. В нем не встретилось случаев употребления региональной

лексики вместо церковнославянской (напротив, есть пример устранения регионализма **боголишивыи** и замены его общеупотребительным прилагательным **оуродивыи**). При этом, однако, наблюдается увеличение доли церковнославянской лексики, более употребительной в русских памятниках, главным образом в результате гармонизирующей правки, когда из двух лексических вариантов, употреблявшихся в протографе, книжник выбирал тот, который больше соответствовал его узусу. Анализ лексических инноваций на этом этапе редакции показывает, что в своем большинстве они вызваны не стремлением адаптировать лексику оригинала к актуальным для редактора нормам, а стремлением унифицировать языковые средства.

Исследование языковых изменений в КИ с опорой на текстологические данные позволило увидеть процесс неравномерной, но непрерывной правки, вносившейся в текст на протяжении его полуторавековой истории. Важным результатом можно считать установление объема и характера изменений, появившихся на последнем этапе перед созданием рукописи И76 или непосредственно при ее создании. Только теперь этот памятник, лексика которого расписана во всех исторических словарях без учета происхождения и истории текстов, входящих в его состав, может использоваться как надежный источник в том смысле, о котором пишет А. М. Молдован: «хотя список текста и является материальным носителем лексики, сам по себе он еще не может служить лексическим источником... Лексическим источником отдельный список становится тогда, когда он может быть осмыслен в качестве звена в рукописной истории текста»⁴. Как было показано, на стадии редактирования И76 в тексте не появилось новых лексем, имеющих ярко выраженную восточнославянскую окраску. Немногочисленные «русизмы», раньше считавшиеся результатом работы редактора И76, присутствовали в тексте на предыдущих этапах его истории. Пока между И76 и славянскими прототипами его составных частей не было обнаружено промежуточных звеньев, лексические отличия киевской рукописи от исходных текстов естественным образом относили на счет восточнославянского редактора: они, так сказать, «проходили единым списком». Но, как оказалось, лексические «русизмы» появлялись в тексте постепенно на разных этапах, в том числе ранних, когда, как показывает сравнительный анализ грамматических особенностей списков КИ, с текстом работали не восточнославянские книжники.

Оценивая в целом языковую правку в КИ на разных стадиях, особенно в КИЗ и И76, можно сделать общее заключение: эти этапы документируют процесс гармонизации языкового материала в той его части, которая лучше контролируется в сознании книжников —

⁴ А. М. Молдован. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // ВЯ. 1997. № 3. С. 64.

т. е. прежде всего в лексике; вырабатывается норма – вернее, определяются границы нормы⁵. Редакторы стремятся освоить лексический репертуар, накопившийся за два века существования славянской книжности, примирить конкурирующие традиции. В каких-то случаях это проявляется в неприятии маргинальных, региональных элементов в текстах-источниках, в других можно наблюдать их освоение. Существенным остается то, что все эти усилия совершаются в сфере литературного языка, и языковую принадлежность книжника надо рассматривать лишь как один объяснительный фактор среди многих других.

В Приложении 1 приводится полный свод разночтений к тексту И76. К чтениям И76 подведены текстологически и лингвистически значимые варианты по всем спискам КИ, а также по спискам, отражающим славянские источники КИ. При необходимости обосновывается первичность либо вторичность тех или иных чтений, а также обсуждаются причины и характер изменений, появившихся в тексте в процессе его эволюции.

В Приложении 2 помещена таблица, отражающая состав восходящих к КИ списков в сопоставлении с И76, на уровне минимальных единиц членения текста – рубрик. Эти сведения необходимы для правильной оценки разночтений, так как состав списков неодинаков не только на уровне макроструктуры (глав и статей), но и на уровне мезоструктуры.

В Приложении 3 дан перечень лексем, варьирующих в списках Княжьего изборника, с указанием мест в тексте И76, где встретились расхождения. Особо выделены слова, относящиеся к тексту архетипа, но устраненные из него в ходе языковой редакции и, вследствие этого, не представленные в И76.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Изборник 1076 г. Второе издание, переработанное и дополненное. Издание подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Под ред. А. М. Молдована. Т. 1–2. М., 2009 (М. С. Мушинской подготовлен аппарат разночтений к тексту рукописи, выполнена публикация греческих текстов, составлен греческо-славянский указатель, отредактирован славяно-греческий указатель; опубликованы статьи: «Издание 1965 года и новый этап изучения памятника» (Т. 1, с. 31–33), «Княжий изборник – прототип Изборника 1076 года» (Т. 1, с. 34–37), «Содержание Изборника 1076 года» (Т. 1, с. 38–43), «Текстологические взаимоотношения Изборника 1076 года с родственными списками» (Т. 1, с. 44–50), «Славянские источники Княжьего изборника»

⁵ Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 411.

(Т. 1, с. 51–58), «Источниковедческие и текстологические сведения о текстах Изборника 1076 года» (Т. 1, с. 59–81)).

2. М. С. Мушинская. Андрианты Иоанна Златоуста в южнославянских и русских памятниках // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003 С. 27–74.

3. М. С. Мушинская. Текстология выборки из Андриант Иоанна Златоуста в Изборнике 1076 г. и родственных списках // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 5–28.

4. М. С. Мушинская. Еще раз об отношениях Изборника 1073 г. и Изборника 1076 г (К вопросу о датировке Краткой редакции Симеонова сборника) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009. М., 2010. С. 81–99.

5. М. С. Мушинская. Об одной лексической псевдоинновации в Изборнике 1076 г. (вино → мѣдъ) // Русский язык в научном освещении. 2010, № 1 (19). С. 63–88.